

ФАНАТИЗМ КАК ДЕСТРУКТИВНАЯ ФОРМА ВЕРЫ¹

Н.В. ИНИНА

В статье проводится психологический анализ фанатизма. Фанатизм рассматривается как одна из деструктивных форм веры, таких как суеверие и предрассудок. Обозначены различия между фанатизмом и суеверием, фанатизмом и предрассудком. Показаны те психологические предпосылки развития личности, которые могут привести к формированию фанатизма. Обозначена связь уровня здоровья личности и возможности возникновения фанатизма.

Ключевые слова: психология веры, психология религии, фанатизм, суеверия, предрассудки, развитие личности, психологическое здоровье.

Что такое фанатизм и каково его лицо?

Это древние жрецы, участвующие в экстатических культах и предсказывающие будущее своим наивным соплеменникам? Или средневековые католики, уничтожившие за одну ночь тысячи гугенотов, своих соплеменников? Может быть, это мусульманские террористы, взорвавшие покой западного мира устрашающими актами, унесшими тысячи невинных жизней? Очевидно, этот список можно продолжить, вспоминая религиозных фанатиков, фанатиков от политики, фанатов футбола, фанатов поп-идолов и т.д. Более того, практически в любой области человеческой деятельности можно найти людей, фанатично преданных делу, идее, человеку. Что это — совершенно разные с психологической точки зрения явления, привычно называемые одним словом, или все же есть единые, общепсихологические особенности, порождающие это многоликое, опасное явление — фанатизм?

Этому явлению посвящено не так много работ как в классической, так и в современной психологической литературе. Одни исследователи называют фанатизм суеверием, другие видят его связь с предрассудком, в од-

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 13-06-00590 «Вера как общепсихологическая категория». This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 13-06-00590 «The faith as the subject for general psychology»).

них работах он предстает как деструктивная форма религиозной веры, в других — как более широкое явление, захватывающее не только религиозные пласты человеческой жизни. В любом случае, становится очевидным, что перед нами сложное психологическое явление, связанное как с индивидуальными, так и социальными аспектами жизни человека.

Начнем, как принято, с истории вопроса. В далекие времена фанатиками называли жрецов Малой Азии, практиковавших экстастические культы и в состоянии экстаза предсказывавших будущее. Считалось, что боги говорят через этих людей, оттого термин «фанатизм» связывали как с латинским словом «fanatici», производным от слова «fanum» — святилище, так и с греческим словом «phainetikos» — являющий. Именно этот аспект стал главным в рассуждениях католического епископа XVII в. Жака Б. Боссюэ, вернувшего этот термин в новоевропейский контекст [Чистяков, 2004]. Боссюэ был одним из идеологов абсолютизма и вел борьбу с протестантами. Он считал их фанатиками именно потому, что те были глубоко убеждены в том, что их религиозные идеи вдохновлены самим Богом. Фанатиками считали протестантов и мирные католики, которые, по словам Вольтера, «бросились убивать, резать, кидать в окна, раздирать в клочья своих соотечественников, не ходивших с ними к “обедне”», тех самых протестантов в страшную Варфоломеевскую ночь. Именно Вольтер даст принципиально новое определение фанатизма в вышедшем в 1764 г. в Женеве «Французском словаре»: «Тот, кому свойственны экстазы и видения, кто принимает свои сны за нечто реальное и плоды своего воображения за пророчества, того можно назвать энтузиастом, но тот, кто поддерживает свое безумие, убивая, фанатик» (цит. по: [Там же, с. 24]). Вольтер первым пытается дать психологический портрет фанатика, он различает яростных фанатиков, готовых убить любого несогласного на своем пути, и фанатиков хладнокровных, которые «приговаривают к смерти тех, чье единственное преступление — думать не так, как они». Фанатизм, с его точки зрения, связан с суеверием: «фанатизм для суеверия — то, что исступление для лихорадки, что бешенство для злобы»² (цит. по: [Там же]). Единственным лекарством против этого «эпидемического заболевания» Вольтер видел философский дух, т. е. способность размышлять, поставить под сомнение свои взгляды, подвергнуть их разумной критике. Чуть ниже мы покажем, что для фанатика такая самокритика и децентрация практически невозможны. И даже сама религия, суть которой — милосердие и любовь, «бес-силна против чумы душ, уверенных в том, что святой дух, их пронизыва-

² Пока мы не будем полемизировать с утверждением Вольтера относительно связи фанатизма и суеверия, опложив наши аргументы до той части работы, где мы попробуем дать общий психологический анализ фанатизма, однако обозначим, что этот тезис требует разъяснения.

ющий, выше законов, а их энтузиазм — единственный закон, которому они обязаны повиноваться» [Вольтер, 1989, с. 271].

Как остроумно заметил Станислав Ежи Лец, у каждого века есть свое средневековье. Фанатизм, к большому сожалению, не стал сугубо достоянием истории. Развитие цивилизации, ошеломительный технический прогресс, даже великие прорывы культуры не коснулись психических глубин человеческой души. Человек в глобальном смысле остался прежним. Ему во все времена были открыты высокие порывы духа и разума, но, к сожалению, косность, страх и нетерпимость все также живут и действуют в его душе. Что же в психологическом плане стоит за таким устойчивым и деструктивным явлением как фанатизм?

Как уже говорилось, в большинстве работ, посвященных анализу фанатизма, в качестве синонимов используются понятие суеверия и понятие предрассудка. Однако стоит заметить, что эти явления, хоть и связаны друг с другом едиными психологическими механизмами, обеспечивающими их существование, тем не менее, не являются тождественными, поскольку характеризуют различные виды одного и того же явления. Речь идет о вере, об этой многомерной общепсихологической категории, в которой непротиворечиво сосуществуют различные, часто далеко отстоящие друг от друга ее виды и вариации. Это может быть обыденная «рациональная» вера, присущая каждому здоровому индивиду, являющаяся основой любой сложной деятельности, а может быть и глубокая религиозная вера, меняющая жизнь верующего человека на уровне фундаментальных оснований, а может быть и невротическая «иррациональная» вера, из которой произрастают те самые деструктивные виды веры, о которых мы говорили выше, — суеверия, предрассудки и фанатизм [Брагусь, Инина, 2011]. В работах классиков психологии XX в., таких как У. Джеймс, К.Г. Юнг, Г. Олпорт, Э. Эриксон и др., высказана мысль о том, что формы веры и религиозности, а также такие специфические проявления веры, как суеверия, предрассудки и фанатизм, в огромной степени связаны со спецификой личности, с условиями ее формирования. У Олпорта мы впервые найдем разделение на внутреннюю и внешнюю религиозность. «Внешне» религиозные люди рассматривают религию в своих собственных целях. Религия и вся религиозная жизнь являются для них лишь инструментом, способом достижения более значимых целей. Это может быть и бегство от одиночества, и потребность в общении, и обретение уверенности. «Личность с внешним типом религиозной ориентации обращена к Богу, но не отстранена от себя» [Олпорт, 2002, с. 192]. Олпорт считал, что корни подобной «внешней» ориентации зарождаются еще в детские годы, когда у ребенка есть огромная потребность в доверии, но отношения с семьей, на-

оборот, формируют чувство тревоги, неполноценности, подозрительности и недоверия. В результате формируется личность с мощными защитными механизмами, отгороженная от мира, наполненная скрытой враждебностью и неприязнью к людям. Люди с такой «внешней» религиозностью могут использовать религиозное чувство и причастность к церкви для обеспечения безопасности, комфорта, статуса или социального одобрения, предрассудок станет их жизненной опорой, а нетерпимость — способом разрешения любых конфликтов.

Напротив, люди с «внутренней» религиозной ориентацией переживают религию как главенствующий, основной мотив. «Такой человек живет религией» [Там же, с 193]. Начала этой ориентации также имеют истоки своего формирования в детстве. Если у ребенка сформировано базовое доверие к миру, чувство безопасности, то в подростковом возрасте ребенок в состоянии принять и уважать убеждения и предпочтения других, в том числе и религиозные. Это не значит, что такой ребенок не тревожится, не боится, но он в состоянии рассматривать эти переживания как болезненные и в себе самом, и в других людях. У такого человека религиозное чувство и вера пронизаны чувством смирения и принятия, сострадания и любви к ближнему. В такой жизни «нет места отвержению, презрению, пренебрежению к окружающим» [Там же, с. 205].

Не будем более подробно погружаться в анализ причин, определяющих выбор субъектом тех или иных форм веры, поскольку задача, поставленная в этой статье, состоит в анализе психологической природы фанатизма, однако эти пояснения кажутся нам необходимыми для более глубокого понимания той корневой системы, из которой фанатизм произрастает. Напомним, что вера, в широком смысле слова, — это эмоциональная и ментальная связь субъекта с той реальностью, в которой он существует и действует. Иными словами, человек посредством веры оживляет, приближает, делает эмоционально значимой и ценной ту реальность настоящего и будущего, которая фактически совершенно нейтральна в отношении субъекта. Картина мира, или отражение реальности в индивидуальном сознании, подразумевает наличие веры субъекта как связующей нити между человеком и миром. И в этом плане степень адекватности человека, психического и психологического здоровья личности, уровня ее зрелости и ответственности, как уже говорилось, напрямую определяют те формы и виды веры, которые порождает субъект [Братусь, Инина, 2011]. Ниже мы будем говорить об этом подробнее, однако еще раз подчеркнем, что личностное и психологическое здоровье будут определять выбор видов веры: здоровая зрелая личность будет продуцировать рациональную веру нерелигиозного созна-

ния (т.е. твердую убежденность, основанную на интеллектуальной и эмоциональной деятельности, связывающую субъекта с предстоящей ему реальностью) и, в случае обращения к религии, религиозную веру, вобравшую в себя ее лучшие высшие ценности. И наоборот, незрелая, невротическая личность будет склонна к деструктивным формам веры, таким как суеверия, предрассудки или фанатизм, выбор же конкретного вида будет зависеть от свойств характера, темперамента и условий развития в каждом конкретном случае.

Вернемся к фанатизму и вспомним, что одна из главных характеристик фанатика сводится к тому, что его субъективный мир делится на своих и врагов. Это относит нас к подростковому возрасту, в котором формируется и реализуется эта группоцентрическая ориентация [Братусь, 1988]. Нарастающая неосознаваемая растерянность подростка перед сложным, непонятым, часто враждебным миром взрослых порождает тревогу, страх и неуверенность, толкающие его к поискам референтной группы, т.е. такого сообщества единомышленников, в среде которых он мог бы чувствовать себя в безопасности. Неразвитая рефлексия, отсутствие критического мышления подталкивают его к упрощенным объясняющим мир конструкциям, порождая категоричную безапелляционность, неспособность к восприятию сложного антиномического бытия. Высокий уровень аффективности, связанный с «эндокринной бурей» подросткового возраста, эмоциональный накал, а также протест против родительской опеки и контроля толкают подростка в сторону яркой и сильной идеи, способной увлечь за собой, или харизматичной личности, которая будет рассматриваться как объект для подражания. Иными словами, подростковый возраст — идеальный период для формирования предпосылок, могущих развернуться впоследствии до фанатизма. Не случайно во всех тоталитарных, идеологически несвободных обществах власть имела рычаги влияния на самосознание подростков. Вспомним работу «Детство и общество» Э. Эриксона, который показал, как в нацистской Германии формировался массовый фанатизм у молодежи. Эта манипулятивная игра велась опять на поле доверия и недоверия. «В детях Гитлер старался заменить сложный конфликт отрочества, мучивший каждого немца, простым шаблоном гипнотического действия и свободы от размышлений. Чтобы добиться этого, он создал организацию, систему воспитания и девиз... Организацией был “Гитлерюгенд”, а девизом — ...“Молодежь выбирает свою собственную судьбу”. Бог больше не имел значения: “В этот час, когда земля посвящает себя солнцу, у нас только одна мысль. Наше солнце — Адольф Гитлер”. Родители тоже не имели значения: “Всех тех, кто с высоты своего ‘опыта’, и только его одного, сражается с нашим методом позволять моло-

дым руководить молодыми, нужно заставить замолчать...” Этика не имела значения: “Появилось абсолютно свежее, новорожденное поколение, свободное от предвзятых идей, свободное от компромиссов, готовое оставаться верным тем порядкам, которые составляют их право по рождению”. Братство, дружба также не имели значения: “Я не слышал ни одной песни, выражающей нежное чувство дружбы, родительской любви или любви к товарищам, радость жизни или надежду на будущую жизнь”. Учение, естественно, не имело значения: “Идеология национал-социализма должна быть священным фундаментом. Его нельзя размывать подробным объяснением”. Что имело значение, так это быть в движении и не оглаживаться назад: “Пусть все погибнет, мы будем идти вперед. Ибо сегодня нам пренадлежит Германия, завтра — весь мир”» [Эриксон, 2000, с. 333].

Итак, перед нами точные, психологически выверенные шаги по формированию фанатизма. Отрыв от семьи и родителей толкает подростка к одиночеству, обрывает его корневые связи, делает его неустойчивым и легко управляемым. Хорошо известны трудности переходного возраста, когда в отношениях между подростком и его родителями существует амбивалентная связь, с одной стороны — потребность в признании, принятии, уважении, с другой стороны — протест, бунт, конфликт. Не вдаваясь в подробности подросткового кризиса с его мучительным разрывом симбиотических отношений и попыткой сепарироваться от родительской системы, напомним то, что знает любой психолог: подросток не готов к полноте ответственности и свободы. Самым разумным в этот период является постепенное делегирование ответственности при сохранении доверительной и уважительной коммуникации в детско-родительской системе. Но если происходит резкий и сокрушительный слом родственных связей, то незрелая психика подростка, еще неготовая к взрослой действительности, оказывается идеальным объектом для манипуляций различного толка. И если в этот период юноша или девушка попадают в группу «единомышленников», связанных сильным авторитарным лидером или сильной агрессивной идеей, можно говорить о прививке фанатизма.

Следующий этап — это обесценивание процесса познания и образования, и это очень важное условие возникновения фанатизма. Манипуляции сознанием возможны только в малообразованной, малокультурной среде, где любой лозунг или девиз, произнесенный признанным лидером, будет восприниматься без критики и внутренней цензуры, без соотнесения с собственной системой координат, поскольку последняя просто отсутствует. Здесь мы можем сделать некоторое отступление и показать небольшие, но существенные различия между фанатизмом и предрассудком. Общим будет отсутствие рефлексии, способности к

анализу и критическому мышлению, которые с неизбежностью формируются в процессе образования и познания. Однако предрассудок, часто и не без оснований называемый главным мотивом личности фанатика, тем не менее, свойственен огромному числу людей, совершенно не склонных к фанатизму [Асмолов, 2004]. Речь идет о формировании такой картины мира в самосознании личности, которая в основном состоит из навязанных извне стереотипов, формирующих относительно устойчивые установки сознания. Источником этих стереотипов могут быть средства массовой информации, семья, школа, социум. Эти стереотипы интериоризируются субъектом без критики и анализа и воспринимаются им как достаточное основание для вынесения того или иного мнения или суждения. Эти установки легко меняют знак, плавно переходя от предрассудков к конформизму и обратно, они не встроены в субъективно значимую систему аргументов и не затрагивают глубинных пластов психики. При столкновении с реальным опытом предрассудки могут быть отвергнуты, однако легко воспроизводятся, заменяются другими в пассивном инфантильном сознании субъекта.

Фанатизм, содержательно построенный на тех же клише и стереотипах, тем не менее, захватывает глубинные бессознательные уровни психики. Человек начинает быть «одержим» какой-либо идеей и за нее готов сражаться до конца. Как остроумно заметил словенский писатель Ж. Петан в одном из своих афоризмов: «Фанатики — это люди, которые интенсивнее умирают, чем живут». Иными словами, фанатизм, пропарывая незрелое сознание малообразованного человека, проникает в глубинные слои психики, поднимая со дна самые низменные и агрессивные инстинкты, которые культура и образование, апеллирующие к развитому сознанию, удерживают испокон веков под запретом.

Третий этап — постоянное движение, «драйв», как сказали бы сегодня. Это довольно типичное состояние современного человека, который уже давно перестал слышать себя и свои подлинные мотивы и потребности. По сути дела, речь идет о блокировании контакта с самим собой, с собственными чувствами и переживаниями для того, чтобы не соприкоснуться с внутренней тревогой и страхами, порожденными вышеописанной невротической реальностью. И здесь мы сможем провести некоторую черту, позволившую разделить фанатизм и суеверие. Еще Вольтер называл фанатизм суеверием, в словаре Даля фанатизм толкуется как грубое и упорное суеверие, а М. Делейр отнес фанатизм не просто к суеверию, а к «плоду незнания примитивной души» (см.: [Чистяков, 2004, с. 23]). Как и в случае с предрассудком, фанатизм имеет общую корневую систему с суеверием, однако это не установка сознания, а глубокий бессознательный страх, порождаемый невротическими ис-

кажениями личности. Иными словами, и страх фанатизма и страх суеверия корнями уходят в бессознательные уровни психики. Однако страх суеверия — это страх первобытного человека, защищающего себя магическими ритуалами от угрожающей и враждебной природы. В современном сознании он трансформируется в ритуальные формы веры, благодаря которым человек регулирует уровень внутренней тревоги, — если перебежала дорогу черная кошка, надо плюнуть через левое плечо. Несчастливая кошка, воспринимаемая как враг лишь потому, что на нее бессознательно спроецирован глубинный неосознаваемый страх самого субъекта, нейтрализуется другим ритуальным действием, олицетворяющим помощь. Стоит заметить, что вся драматургия происходящего на самом деле совершается в бессознательной части психики самого субъекта, а вовсе не на поле брани добрых и злых сил. В случае же фанатизма мы столкнемся с иной природой страха. Это страх перед хаосом человеческой психики, где голос чувств не доходит до сознания, а блокируется в бессознательном. И тогда, для удержания псевдоравновесия, фанатик опирается на силу и агрессию, благодаря которым ощущает себя не слабым и безвольным рабом чужих манипуляций, коим он является на самом деле, а сильным и уверенным борцом за истину. И тогда мы можем сказать, что суеверие — это такой деструктивный вид веры, который обеспечивает невротические формы защиты человека от пугающей действительности; а фанатизм, благодаря энергии бессознательного, трансформирует невротические защиты в формы нападения: глубинный невротический страх инфантильного субъекта, спроецированный во внешнюю реальность, усиливается глубинными инстинктивными импульсами бессознательного, порождая аффективные, агрессивные формы отношения к тому, что субъективно воспринимается как угроза, посягательство на закрепленный в сознании стереотип. Иными словами, как суеверие, так и фанатизм продуцируют деструктивные формы связи с миром, однако качество этих связей в каждом виде веры имеет свои специфические особенности.

Попробуем теперь сформулировать основные черты фанатизма, дать психологический портрет фанатика. Прежде всего стоит сказать, что фанатик — это продукт системы. Массовая культура порождает человека инфантильного, незрелого, плохо осознающего себя и подлинные мотивы своих желаний и поступков. Такой субъект постоянно находится во внутреннем конфликте: с одной стороны, он нуждается в определенном руководстве, ведении, «как верить, за что бороться, как себя вести, что говорить, что думать» (цит. по: [Чистяков, 2004, с. 27]); с другой стороны, он хочет чувствовать себя самостоятельным, независимым, сильным, «охотником, а не жертвой» [Асмолов, 2004, с. 9]. Это раздвоен-

ное, невротическое состояние психики делает человека уязвимым и склонным к разного рода воздействиям, а часто и жертвой коллективных психозов. Тогда его сознание сужается до такой степени, что вся полнота и сложность эмоциональной и интеллектуальной жизни, присущая здоровой личности, схлопывается, уступая место маниакальной одержимости и подчиненности какой-либо сильной идее или лидеру.

Одержимый манией преследования, фанатик всюду видит врагов, от которых необходимо защитить ту идею, ту философию, ту картину мира, которой он служит. Он превращается в гонителя, преследователя, карателя. Но любое насилие всегда прорастает на почве страха. Именно страх, как мы уже говорили, недоверие и глубокая тревога живут в неосознаваемых глубинах психики фанатика. Ощущение внутренней слабости и уязвимости толкает его к сильной идее или сильной личности, с которой он полностью отождествляет себя и благодаря этой идентификации начинает ощущать себя таким же сильным и правым. Здесь надо оговориться и сделать некоторые пояснения. В большинстве работ о фанатизме потребность фанатика в идентификации с сильной идеей или с сильной личностью проходит красной нитью. И это вполне понятно, ведь речь идет об отсылке к подростковому возрасту, когда формируется группоцентрическая ориентация и человек делит мир на «своих» и «чужих». Однако очень точное замечание делает один из исследователей фанатизма, священник Георгий Чистяков. Он высказывает мысль о том, что фанатику не нужна сильная личность, ему нужна только сильная идея [Чистяков, 2004]. Бердяев более тонко и не прямо говорит о том, что фанатик не видит человеческой личности, невнимателен к личному пути и выбору другого человека [Бердяев, 1997]. И в этом тезисе скрыт, на наш взгляд, ответ на предположение отца Георгия. Дело в том, что эгоцентризм фанатика, о котором пойдет речь чуть ниже, не позволяет ему встретиться лицом к лицу с любым другим человеком, даже если этот человек принадлежит к лагерю самого фанатика и разделяет его идеи. Фанатик не способен к диалогу, к встрече, к взаимодействию. Единственной формой его коммуникации будет осознаваемое или неосознаваемое манипулирование, которое позволяет использовать другого как средство достижения собственных целей. И в этом плане «сильная идея» — безопасное для фанатика образование, поскольку идеальный план, в котором существует любая идея, не подразумевает межличностных взаимодействий. Сильную идею труднее низвергнуть, дискредитировать, чем сильную личность, в которой всегда можно найти уязвимые места. В этом плане можно ответить и на другой тезис, который достаточно распространен в литературе о фанатизме. Многие авторы считают фанатизм побочным продуктом религиозного сознания.

Однако современность показывает разнообразие форм фанатизма, не имеющих ни малейшей связи с религиозностью. Почему, тем не менее, многие авторы склоняются к мысли о том, что именно религиозность является истоком фанатизма? Еще Вольтеру принадлежит афоризм, в котором он предпочитает атеистов религиозным фанатикам: «атеизм — это порок некоторых умных людей, а суеверие и фанатизм — порок глупцов». Дело в том, что религиозные идеи — это предельные идеи, затрагивающие самые глубинные, фундаментальные уровни человеческого бытия. И в этом плане сила религиозной идеи не сопоставима с любой другой. Достаточно вспомнить, что любая тоталитарная идеология, цель которой состоит в подавлении всего общества и навязывании ему своих принципов, строит свой концепт по аналогии с религиозной системой, подменяя, извращая, уродуя, но сохраняя ее форму и структуру. Фанатичное сознание цепляется за религиозную идею, как за наиболее мощную, сильную, идентифицируя себя с ней, и, благодаря ее силе, ощущает себя столь же правым и неуязвимым. Однако в силу узости, категоричности и примитивности своего сознания фанатик выхватывает только часть идеи, которая субъективно коррелирует с его инфантильными представлениями о реальности. Всю же полноту, антиномию, напряжение и вопрошание, как раз и являющиеся глубинным содержанием религиозного сознания, он отменяет и отвергает, оставляя себе не суть, а лозунг, которому верит, которому служит и за который готов умереть! Фанатик защищает свои «великие» идеи любой ценой именно потому, что в сознании фанатика он и его идеи — суть одно и то же, пока живы и сильны идеи, жив и силен он сам. Именно поэтому столько агрессии и нетерпимости он проявляет в отношении любого несогласного с его идеей, любого, кто усомнился в ней или поставил ее под вопрос. Любая множественность, любая антиномия, любой парадокс должны искореняться, так как они толкают человека к размышлениям и сомнениям и могут пошатнуть монолитный мир фанатика. Можно вспомнить слова Н.А. Бердяева: «Нетерпимый фанатик совершает насилие, отлучает, сажает в тюрьмы и казнит, но он, в сущности, слабый, а не сильный, он подавлен страхом и сознание его страшно сужено, он меньше верит в Бога, чем терпимый. В известном смысле можно было бы сказать, что фанатическая вера есть слабость веры, безверие. Это вера отрицательная» [Бердяев, 1997, с. 63]. Действительно, фанатизм — это вера, но вера глубоко деструктивная, невротическая, «отрицательная», это вера для себя, и, в этом смысле, ее трудно назвать в полном смысле слова — религиозной верой.

Перейдем к следующей сущностной черте фанатика. Речь идет о глубочайшем эгоцентризме. Мы уже говорили выше о мощном механизме

идентификации, отождествления фанатика с выбранной идеей, учением или авторитетом, но эта идея, это учение или этот авторитет должны полностью совпадать с основными ожиданиями фанатика. Только на этих условиях он будет преданно служить им. В эгоцентрическом мире фанатика нет места другой человеческой личности, нет права на иное мнение, иной взгляд, иной способ жизни. Оттого с фанатиком в принципе невозможен диалог, поскольку диалог предполагает встречу двух разных мнений, двух разных людей. Эта неспособность к рефлексии полностью исключает возможность осознать свой фанатизм. И здесь включается механизм психологической проекции. Внутренние демоны страха проецируются в мир, находя подтверждение, опредмечиваясь в любом несогласном, в любом инакомыслящем. Чем больше уровень подавленного страха и невротической тревоги, чем больше нарушена связь с подлинными чувствами субъекта, тем более сильна и страшна борьба с внешним врагом. Именно в других фанатик видит то угрожающее фанатичное зло, которое на самом деле несет в себе. Карая и уличая других, фанатик ощущает себя спасителем. Мы уже говорили, что религиозные идеи обращены к фундаментальным потребностям личности, однако в сознании фанатика такие религиозные идеи, как «идея спасения» и «идея гибели», приобретают иной смысл. «Идея гибели», страх Божий, заставляет человека обернуться на самого себя, побуждая его «искать бревно в собственном глазу», включая его самокритику и рефлексии. Для фанатика этот личностный шаг представляется совершенно невозможным, так как полностью противоречит субъективной картине мира, поддерживающей фанатизм. Поэтому фанатик выбирает «идею спасения», однако речь идет не об осознании собственных ошибок и грехов, не о покаянии, подразумеваемом смирении и сокрушении, а о спасении «мира от врагов», о «восстановлении справедливости», о «победе над злом» — главным критерием и судьей здесь выступает эгоцентрическое видение самого фанатика. Такой эгоцентризм и инфантильная неспособность к самоидентификации определяют выбор фанатика не в пользу истины, а в пользу власти и силы, которые всегда агрессивны и не существуют без образа врага. Здесь уместно вспомнить идею противопоставления «веры» и «силы» у Фромма [Фромм, 1992] и идею Бердяева о том, что фанатизм — это «отрицательная» вера [Бердяев, 1997]. Выбор фанатиком силы исключает им выбор глубинной, здоровой веры, поскольку эти феномены взаимно исключают друг друга. «Сила», связанная с «властью», по мнению Фромма, является самым неустойчивым из всех человеческих завоеваний и, воздействуя на человека извне, лишает его возможности посредством «веры» строить связь с миром изнутри самой личности [Фромм, 1992]. На примерах жизни

святых мы можем утверждать этот тезис с очевидностью. Чем больше «веры» в человеке, тем меньше «силы» и «власти» он применяет в отношении других и тем меньше «сила» и «власть» могут воздействовать на него самого извне. Вера определяет совершенно другой тип отношений человека с миром, однако оговоримся и еще раз напомним: поскольку вера является общепсихологическим феноменом, присущим любому человеку, то ее формы и виды связаны с уровнем здоровья или деструктивности личности. В данном случае мы имеем в виду тот вид веры, который порождает зрелая, здоровая и ответственная личность.

Интересна полемика священника Георгия Чистякова с Николаем Бердяевым по данному вопросу. Отец Георгий отмечает мысль Бердяева о том, что «фанатик ... ищет власти, а не истины» [Чистяков, 2004, с. 26]. Однако, с точки зрения отца Георгия, это не вполне верно. Бердяев считает, что «опирающийся на силу и на власть фанатик убежден в том, что спасает мир, человечество, своих собратьев или истину от врагов» [Бердяев, 1997, с. 65]. То есть фанатик, с точки зрения отца Георгия, вдохновлен именно истиной и служит ей, правда агрессивно или дефенсивно. Это тонкое замечание позволяет нам еще раз сделать акцент на неочевидных, но очень важных, сущностных особенностях психологии фанатика. Именно психологический взгляд на природу фанатизма позволяет понять, с одной стороны, взгляд философа Н. Бердяева, с другой стороны — точку зрения священника, филолога и историка отца Георгия Чистякова. Говоря об истине, которой фанатик предпочитает власть, Бердяев имеет в виду глубокое экзистенциальное чувство открытости замыслу Божьему о мире, о человеке, потребность в познании смысла бытия, способность к трансцендированию, выходу за свои пределы. «Истина не дана готовой и не воспринимается пассивно человеком, она есть бесконечное задание. Истина есть... путь и жизнь, духовная жизнь человека, которой нет вне свободы», — говорит Бердяев [Там же, с. 66]. Совершенно очевидно, что фанатик не способен к такому уровню самосознания и глубины. У него нет ни малейшего контакта с теми глубинными пластами психики, которые как раз и обеспечивают жизнь личности на такой глубине. С точки зрения Бердяева, фанатик не просто эгоцентричный, не осознающий себя субъект, одержимый маниакальной идеей, он — «предмет психопатологии и психоанализа». В таком самосознании истина — это маниакальная идея, которая для фанатика всегда будет стоять выше другого человека, выше его ценности и ценности его жизни. Однако Бердяев говорит: «Все ортодоксальные доктрины мира есть ничто по сравнению с последним из людей и его судьбой. Человек есть образ и подобие Божье. <...> Человек не спасается и не гибнет от того, что придерживается какой-то системы идей. Единственная настоящая ересь есть ересь

жизни. <...> Фанатик — есть еретик жизни, он противостоит живому человеку, милосердию и любви» [Там же, с. 69].

Возможно ли преодолеть фанатизм? Возможна ли верность и преданность Богу, идее, делу без любви и сострадания к человеку? Очевидно — нет. Евангелие дает простой ответ: нельзя строить своего отношения к Богу без отношения к человеку. Но отношения с другим невозможно построить без отношений с самим собой. И об этом также говорится в Евангелии: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Именно любовь является глобальной прививкой от любых психологических «эпидемий». Она восстанавливает доверие к миру, она дает нам силу и веру в самых трудных обстоятельствах жизни, она позволяет увидеть лицо другого человека. Именно поэтому святые, которые были способны на подвиги веры, никогда не были фанатиками, потому что их сердце всегда было наполнено любовью к Богу и любовью к человеку.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма // Межкультурный диалог: Исследования и практика / под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. М.: СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 6—14.
- Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине. Русские записки // Человек. 1997. №3. С. 67—75.
- Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль. 1988.
- Братусь Б.С., Инина Н.В. Вера как общепсихологический феномен сознания человека // Вестник Московского Университета. Серия 14, Психология. 2011. № 1. С. 25—39.
- Вольтер. Поэмы. Философские повести. Памфлеты. М.: Изд-во политической литературы Украины, 1989.
- Олпорт Г. Религия и предрассудки // Становление личности. М.: Смысл, 2002. С. 130—138.
- Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.
- Чистяков Г.П. Психология религиозного фанатизма // Межкультурный диалог: Исследования и практика / под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 22—31.
- Эрикссон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.

FANATICISM AS A DESTRUCTIVE FORM OF FAITH

N.V. ININA

The psychological analysis of fanaticism is presented in the article. The fanaticism is considered as a destructive form of faith, such as superstition and preju-

dice. The differences between the fanaticism and superstition, as well as fanaticism and prejudice, are shown. The psychological preconditions of personality development, which can evoke the formation of fanaticism, are described. The link between the level of psychological health of personality and possibilities of the emerging of fanaticism are outlined.

Keywords: psychology of faith, psychology of religion, fanaticism, superstitions, prejudices, development of personality, psychological health.

Asmolov A.G. Psikhologiya obyknovennogo fanatizma // Mezhkulturnyi dialog: Issledovaniya i praktika / Pod red. G.U. Soldatovoi, T.Y. Prokofyevoi, T.A. Lyutoi. M.: SMI MGU im. M.V. Lomonosova, 2004. S. 6—14.

Berdyayev N.A. O fanatizme, ortodoksii i istine. Russkie zapiski // Chelovek. 1997. № 3. S. 67—75.

Bratus B.S. Anomalii lichnosti. M.: Mysl', 1988.

Bratus B.S., Inina N.V. Vera kak obschepsikhologicheskii fenomen soznaniya cheloveka // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14, Psikhologiya. 2011. № 1. S. 25—39.

Volter. Poyemy. Filosofskie povesti. Pamflety. M.: Izd-vo politicheskoy literatury Ukrainy. 1989.

Olport G. Religiya i predrassudki // Stanovlenie lichnosti. M.: Smysl, 2002. S. 130—138.

Fromm E. Chelovek dlya sebya. Minsk: Kollegium, 1992.

Chistyakov G.P. Psikhologiya religioznogo fanatizma // Mezhkulturnyi dialog: Issledovaniya i praktika / pod red. G.U. Soldatovoi, T.Y. Prokofyevoi, T.A. Lyu-toi. M.: Tsentri SMI MGU im. M.V. Lomonosova, 2004. S. 22—31.

Erikson E. Detstvo i obschestvo. SPb.: Letniy Sad, 2000.